

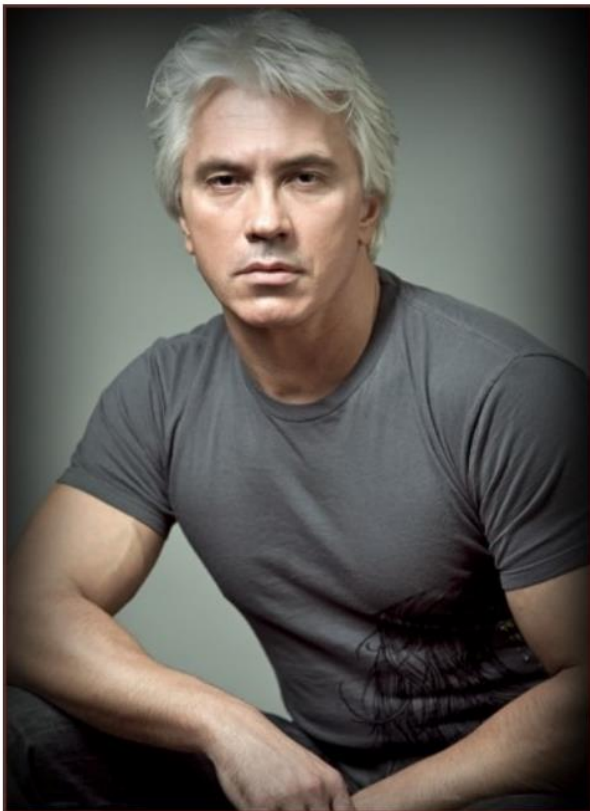
San Francisco Chronicle

THE BLOG 05/21/2014

A Conversation with Dmitri Hvorostovsky – This Week at Davies Hall

By Sean Martinfield

Dmitri Hvorostovsky and pianist Ivari Ilja are in recital at Davies Hall on Sunday, May 25. The program begins with a collection of songs by a variety of Russian composers, set to the poetry of Alexander Pushkin. It is followed by the rarely-performed Suite on Verses of Michelangelo Buonarroti by Dmitri Shostakovich. Dmitri was in London when I spoke to him last week. It was the day after he had sung the role of Giorgio Germont in the revival of Richard Eyre's production of La Traviata at the Royal Opera House. Dmitri was traveling back from Russia when he got word that he would need to replace ailing Simon Keenlyside. Dmitri had performed the role earlier in the run, but with a different cast.

Dmitri Hvorostovsky. Photo, Pavel Antonov

“What happened yesterday was pure improvisation,” he said. “I had no rehearsal whatsoever with Ailyn Pérez [Violetta] and Stephen Costello [Alfredo]. The performance was the first time I sang with them. But all my experiences with Germont allowed me to feel free and to improvise everything I did on stage - to bring my own mastery of the role to the performance. I really loved it.” Dmitri Hvorostovsky was 27 when he won the BBC Cardiff Singer of the World competition in 1989. Four years later, he made his American operatic debut at Chicago’s Lyric Opera in the role of Germont. In September, he will perform it at the Paris National Opera and again in December at the Vienna State Opera. This role of Alfredo Germont’s father - sometimes referred to as “the elderly Germont” - is likely to stay in his repertoire for a long time to come. (American baritone Robert Merrill sang it at the Met over a period of thirty-one years.) The part contains one of Verdi’s most beautiful arias, “Di Provenza il mar”, and includes climactic High G-flats that challenge every baritone at any age. I asked Dmitri what he notices about his voice in relationship to a role he has been performing since 1993. He laughed.

Dmitri Hvorostovsky. Photo, ROH/Catherine Ashmore 2014

“My voice is a perfect instrument,” he said. “I can be as lyric as a tenor and sing a bass role as well. I have a B-natural. The problem is that I’ve never had the C above it. That is why I did not

become a tenor. But I definitely have the High B-flat and B-natural. In order to sing A-natural, which I do as Iago, you have to have the B-flat. I can also go down to as much as G or F easily. My voice has matured enough to allow me to sing the big Verdian dramatic roles. I still don't do any of the Verismo [Puccini, Giordano, etc.]. But I'm looking at the much more serious roles, such as The Demon by Anton Rubinstein, also Boris Godunov which I plan to do in the future. Obviously, my vocal cords and larynx, my breath control, and the size of my neck allow me to sing up high and down into the lower register equally. I've never counted the number of performances I've done of Traviata. But I've worked with the greatest singers and conductors around the world. So, I've gained enough wit and wisdom to do this role in many, many ways."

I agree with the singer. Dmitri Hvorostovsky's voice is a perfect instrument. The entire range is vibrant, potent, juiced. The upper extension of his voice is a rare gift - along with bone structure that even People Magazine displayed on a list of 50 Most Beautiful People. The combination results in a sound that is inherently vital and electric - a perfect fit for the songs of larger-than-life heroes, radical poets, tragic lovers, and god-like artists. Hvorostovsky is the voice of Russia's greatest composers. He embodies the subjects of Pushkin's extraordinary verse. He is the dream of Michelangelo.

Dmitri and his longtime stellar accompanist, Ivari Ilja recorded seventeen songs for the 2010 CD, Pushkin Romances, some of which will be included in Sunday's recital, the final event of San Francisco Symphony's 2013-14 Great Performers Series.

"I recently performed the songs in London at the Barbican and truly enjoyed it. It's a marvelous program - from the early music of Mikhail Glinka to contemporary composer, Georgi Sviridov. It gives me every opportunity to color my voice in different overtones. It is like Schubert or the early Italian songs, through the later music of Sviridov which is also very light and lyric. The Borodin song, For the Shores of Thy Far Native Land, is a really beautiful piece - very dramatic and dark. It is typically Russian and one of the best poems of Pushkin. The songs offer such a wonderful variety of Russian lyricism. The idea to record this program was actually Ivari Ilja's. He worked with the great Russian mezzo-soprano, Irina Arkhipova. She was a mentor to me in the beginning of my career and I am really grateful for her help in becoming a well-known singer. So, I chose this program to commemorate her. Irina Arkhipova's mastery was absolutely beyond any parallel in Russian vocal art."

Shostakovich regarded his Suite on Verses of Michelangelo Buonarroti as his Sixteenth Symphony. The composer used Russian translations of the Italian poetry to create his cycle of eleven songs. The effect is transcendent, the music and language going beyond any other dramatic depiction of the artist's life and creative genius.

"The way I do my recitals, particularly the song cycles, such as the Michelangelo - is to make

them into a one_man-show. It is absolutely a theatrical piece which I present on stage. Therefore, I hope the audience will be so drawn into the drama - along with the text and the music - that they will forget they are at a recital. The music itself talks. It is nuanced with bright and sometimes very dark images. The language of Shostakovich is very clear, strong, and at the same time vulnerable. The cycle shows everything - the strain, the power, the wisdom, and the vulnerability of Michelangelo.”

Dmitri Hvorostovsky. Photo, Pavel Antonov

“The cycle is amazing. Shostakovich wrote it for piano to begin with and then decided to re-write it for symphony orchestra which he dedicated to the first performer, Evgeny Nesterenko. The way it’s written for piano is so colorful that it sounds like an orchestra. The translation of the poetry of Michelangelo Buonarroti sounds incredible. There has only been one example, by Dietrich Fischer-Dieskau, who decided to sing the songs in the original Italian. I think it was a failure, because you have to move the accents and stresses. The way it sounds in Russian is so complete. It is a cycle where two geniuses meet with each other and create an amazing impact of classic and contemporary. It absolutely reflects the reality we live in now.”

Sean Martinfield

San Francisco cultural critic

[A Conversation with Dmitri Hvorostovsky - This Week at Davies Hall | HuffPost San Francisco](#)

21 мая 2014

Шон Мартинфилд

РАЗГОВОР С ДМИТРИЕМ ХВОРОСТОВСКИМ - НА ЭТОЙ НЕДЕЛЕ В DAVIES HALL

Дмитрий Хворостовский и пианист Ивара Илия выступают с концертом в Davies Hall в воскресенье 25 мая. Программа начнётся с романсов различных русских композиторов на стихи Александра Пушкина. Затем редко исполняемая сюита на стихи Микеланджело Баунарроти Дмитрия Шостаковича.

Я разговаривал с Дмитрием на прошлой неделе, когда он был в Лондоне. Накануне он пел Жермона в возобновлённой Ричардом Эйром (Richard Eyre) постановке Травиаты в Королевской Опере. Дмитрий вернулся из России, когда его попросили заменить заболевшего Симона Кинлисайда (Simon Keenlyside). Дмитрий исполнял эту роль раньше, но с другим составом.

"Вчера была чистая импровизация,- он сказал.- У меня вообще не было репетиции с Ailyn Perez (Виолетта) и Stephen Costello (Альфредо). Впервые я пел с ними на спектакле. Но весь мой опыт пения Жермона позволил мне чувствовать свободно и импровизировать на сцене - привнести в спектакль своё мастерство исполнения этой роли. Мне очень понравилось.

Дмитрию Хворостовскому было 27 лет, когда он победил в конкурсе BBC Cardiff Singer of the World в 1989 году. Через 4 года состоялся его оперный дебют в Chicago Lyric Opera

в роли Жермона. В сентябре он будет петь эту роль в Парижской Национальной Опере, а в декабре в Венской Опере. Роль отца Альфреда Жермона - иногда именуемый "старый Жермон" - скорее всего, останется в его репертуаре надолго (американский баритон Robert Merrill пел её в МЕТе 31 год). В этой роли одна из прекраснейших вердиевских арий "Di Provenza il mar" включает кульминационную Соль-бемоль (High G-flats) - это вызов любому баритону в любом возрасте. Я спросил Дмитрия, какие изменения в своём голосе он замечает в этой роли, которую он поёт с 1993 года. Он рассмеялся.

"Мой голос - идеальнейший инструмент. Я могу быть лирическим тенором и петь басовые роли. У меня есть Си (B-natural). Дело в том, что у меня никогда не было верхнего До (C above it). Поэтому я не стал тенором. Но у меня есть Си-бемоль (High B-flat) и Си (B-natural). Чтобы петь Ля (A-natural), как я пою в Яго, нужно иметь Си-бемоль (B-flat). Я легко могу опуститься до Соль (G) и Фа (F). Мой голос достаточно созрел для драматических вердиевских ролей. Я больше не пою веризмо (Пуччини, Джордано и т.п.). Но я рассматриваю более серьёзные роли - Демон Рубинштейна, в будущем планирую Бориса Годунова. Совершенно ясно, мои голосовые связки, владение дыханием позволяют мне петь одинаково в верхнем и нижнем регистрах. Никогда не считал сколько я спел Травиату. Но работа с выдающимися певцами и дирижёрами по всему миру дала мне достаточно опыта и знаний исполнять эту роль по-разному."

Соласен с певцом. Голос Дмитрия Хворостовского - совершенный инструмент. Весь диапазон, полный жизни, мощный, яркий. Продолжение голоса - редкий дар - яркая внешность. Даже People Magazine назвал его в числе 50 самых красивых людей мира. Это сочетание создаёт жизнеутверждающий и энергичный звук, идеально подходящий для исполнения ролей масштабных личностей, мятущихся поэтов, трагически влюблённых и божественных художников. Хворостовский - голос величайших русских композиторов. Он воплощает гениальные стихи Пушкина и мечты Микеланджело.

Дмитрий и его давний выдающийся аккомпаниатор Ивари Илия в 2010 году записали на CD 17 романсов на стихи Пушкина, некоторые из которых прозвучат в воскресенье на заключительном концерте серии Великие Исполнители в San Francisco Symphony в сезоне 2013-14.

"Недавно в Барбикане в Лондоне я исполнял эти романсы и по-настоящему наслаждался. Это изумительная программа - от ранней музыки Михаила Глинки до современного композитора Георгия Свиридова. Это даёт мне возможность придать разные оттенки моему голосу. Это как от Шуберта или старинных итальянских песен до поздних произведений Свиридова, очень лёгких и лиричных. Прекрасный романс Бородина "Для берегов отчизны дальней" очень драматичный и мрачный - типично русское произведение и один из лучших стихов Пушкина. Эти романсы открывают восхитительное

разнообразие русской поэзии. Идея записать эту программу принадлежит Ивари Илиа. Он работал с великой русской меццо-сопрано Ириной Архиповой. Она была моим наставником в самом начале моей карьеры и благодаря её помощи я стал хорошо известным певцом. Я сделал эту программу в память о ней. Мастерство Ирины Архиповой было совершенно выдающимся в русском вокальном искусстве."

Шостакович считал сюиту на стихи Микеланджело своей 17 симфонией. Создавая цикл из 11 песен, композитор использовал русский перевод итальянских стихов. Эффект потрясающий, музыка и язык глубже иных других драматических изображений жизни художника и творческого гения.

" Я исполняю мой сольный концерт, особенно цикл песен, как Микеланджело, как театр одного актёра. Это абсолютно театральная пьеса, которую я представляю на сцене. Поэтому я надеюсь, слушатели, следуя за текстом и музыкой, окунутся в драму, забыв, что они на сольном концерте. Музыка сама говорит. Этот создаётся оттенками светлых и иногда очень мрачных образов. Язык Шостаковича очень чёткий, сильный, и в то же время чувственный. В этом цикле всё - надрыв, силу, мудрость, незащитность Микеланджело."

"Цикл гениальный. Сначала Шостакович написал его для фотрпеиано, позже переписал для симфонического оркестра, посвятив его первому исполнителю Евгению Нестеренко. Написанный для фотрпеиано, он звучит ярко, как оркестр. Перевод стихов Микеланджело невероятный. Была только она попытка спеть на языке оригинала - Дитрих Фишер- Дискау (Dietrich Fischer-Dieskau). Мне кажется, это было неудачно, потому что сместились акценты и ударения. По-русски звучит достаточно полно. Это цикл, где два гения встретились и создали великолепное соединение классики и современности. Это совершенное отражение современной реальности."

Перевод с английского Натальи Тимофеевой